

В.В. СОГРИН

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ В США. СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Цель данной статьи – осветить современное состояние изучения истории Гражданской войны и Реконструкции в США, охарактеризовать те проблемы, в отношении которых среди исследователей достигнуто согласие, и те, относительно которых сохраняются различия. Автором будет предложено собственное их решение.

Гражданская война (1861–1865) и Реконструкция (1865–1877) различались задачами и содержанием, но имели и объединяющую их цель отмены рабства и утверждения в США чисто буржуазного общества, что послужило ряду историков (их мнение разделяет и автор статьи) основанием именовать оба этих события Второй Американской революцией. Сторонники другого направления в историографии с таким определением никогда не соглашались. Между двумя соперничающими направлениями неизменно сохранялись принципиальные разногласия в трактовке как Гражданской войны, так и Реконструкции. Целесообразно вкратце их охарактеризовать.

В осмыслении причин и характера Гражданской войны первое историографическое направление обосновывало закономерное ее происхождение и выставляло в целом позитивную оценку ее результатам. Соперничающее же направление считало войну национальной трагедией, имевшей катастрофические последствия. Ещё Александр Стеффенс, вице-президент созданных южанами и поверженных Севером Конфедеративных Штатов Америки, а вслед за ним Джефферсон Дэвис, президент самопровозглашенного рабовладельческого государства, сразу после Гражданской войны выступили с историческими сочинениями, в которых вся ответственность за кровавый раскол возлагалась на северные штаты и их лидеров во главе с А. Линкольном¹. Оба исходили из того, что рабство не имело никакого отношения к происхождению Гражданской войны. Единственной ее причиной объявлялось разное толкование принципов федеральной Конституции. Правильными толкователями объявлялись южные сепаратисты, которые твердо стояли на страже равных прав штатов, невмешательства в их дела центрального правительства.

В последующем историки-профессионалы из “южной школы” развили концепцию Стеффенса – Дэвиса, добавив к ней ряд новых положений. Наиболее устойчивыми среди них были те, в которых обосновывался “секционный эгоизм” северных штатов, пошедших ради своих экономических выгод на трагическое обострение отношений с Югом, а главная ответственность за разжигание конфликта возлагалась на северо-восточных абolicционистов-фанатиков, заразивших своей нетерпимостью значительную часть Республиканской партии, пришедшей к власти в 1860 г.² Во второй половине XX в. одним из распространенных положений историков, отрицавших непримиримость противоречий Севера и Юга, а, следовательно, и закономерность возникнове-

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала “Общественные науки и современность”.

¹ *Stephens A.H.* A Constitutional View of the Late War Between the States. v. 1–2. Philadelphia, 1868–1870; *Davis J.* The Rise and Fall of the Confederate Government, v. 1–2. New York, 1881.

² См. об этом подробно: *Pressly T.J.* Americans Interpret Their Civil War. Princeton, 1954; *Дементьев И.П.* Американская историография гражданской войны в США. М., 1963.

ния Гражданской войны, стало обоснование капиталистического характера плантационного рабства, как и тезиса о реальности эволюционного и достаточно быстрого отмирания рабовладения³.

На современном этапе свою лепту в умаление проблемы рабства в общественно-политических коллизиях 1850-х годов внесла школа исторической политологии (она известна также как “новая политическая история”). Ее представители, сосредоточившись на изучении политической культуры и мотивов голосования американского электората накануне Гражданской войны, доказывали, что проблема рабства его мало интересовала и он разделялся в первую очередь по этнической и религиозной принадлежности⁴.

В оценке исторических итогов Реконструкции “южная школа” получила своих первых мэтров в лице Дж. Бёрджеса и особенно У. Даннинга⁵. Даннинг соглашался признать “ступенью в прогрессе американской нации” только восстановление единства американской нации и юридическое освобождение рабов, все же важнейшие мероприятия Реконструкции и особенно военно-политическую диктатуру федерального правительства в южных штатах решительно осуждал. Последователи Даннинга согласились признать позитивной так называемую президентскую Реконструкцию Юга, провозглашенную Э. Джонсоном и означавшую фактически свертывание революционных преобразований Гражданской войны, и осудили конгрессовскую Реконструкцию, направленную на поражение в правах южных плантаторов и предоставление гражданских свобод и экономических возможностей освобожденным неграм.

На современном этапе в оценке итогов Гражданской войны и Реконструкции заметно влияние школы “новой экономической истории”. Историки-клиометристы при помощи компьютерных расчетов доказывали, что в период Гражданской войны и Реконструкции не произошло ни обновления, ни тем более ускорения экономического развития нации. Концепции “новой экономической истории” при всем том, что ряд ее конкретных расчетов соответствует действительности, присущ теоретический изъян, заключающийся в неспособности признать, что экономические спады так или иначе характерны для радикальных перестроечных эпох, а экономические плоды тех из них, которые являются исторически оправданными и плодотворными (а Гражданская война и Реконструкция, по моему глубокому убеждению, относились к таковым) пожинаются позднее. Это подтверждает и американский опыт: в последней четверти XIX в. в США произошел экономический взлет, немыслимый без очищающего воздействия на все сферы общества Второй Американской революции⁶.

Историографическая традиция, сторонники которой признают закономерный и позитивный характер Гражданской войны и Реконструкции, представлена в первую очередь научными школами либеральной и левой общественно-политической ориентации. Но в рамках самой этой традиции, как и каждой из представленных в ней школ, существуют достаточно серьезные различия. Первые ее выразители (Дж. Роудс, Дж. Дрейпер), отводившие рабству решающую роль среди причин Гражданской войны, трактовали борьбу вокруг него с морально-этических позиций, как закономерный результат реализации принципа свободы, занимающего главное место в американском национальном кредо. В первой половине XX в. лидирующая роль в обосновании позитивного исторического вклада Гражданской войны принадлежала прогрессистской школе. Но ее отец-основатель, Ф. Дж. Тёрнер, отнюдь не рассматривал рабство в качестве основополагающей причины конфликта Севера и Юга. Этот конфликт трактовался

³ Один из последних вариантов данной концепции см.: *Hummel J.R. Emancipating Slaves, Enslaving Free People: A History of the American Civil War*. Peru (Il.), 1996.

⁴ Критику данной концепции см.: *Согрин В.В. Политическая история США*. М., 2001, с. 131–132.

⁵ *Burgess J. Reconstruction and the Constitution*. 1866–1876. New York, 1902; *Dunning W.A. Essays on the Civil War and Reconstruction and Related Topics*. New York, 1898; *idem. Reconstruction, Political and Economic*, 1865–1877. New York, 1907.

⁶ См. подробнее: *Согрин В.В. Мифы и реалии американской истории*. М., 1986, гл. 2.

им сквозь призму “аграрного вопроса”, борьбы северной и южной “секций” США за свободные западные земли⁷. Но супруги Бирды, занимавшие главенствующую позицию в прогрессистской школе в первой половине XX в., определили борьбу Севера и Юга как конфликт “двух господствующих систем организации труда – свободной и рабовладельческой” и назвали Гражданскую войну “второй Американской революцией”⁸. Бирды, также как их единомышленники и последователи, упирая на фундаментальный характер противоречия экономических систем Севера и Юга США, не уделяли вместе с тем сколько-нибудь пристального внимания морально-нравственным, культурным, мировоззренческим, в целом цивилизационным его аспектам. Многие критики справедливо определяли подобную позицию как экономический детерминизм. Эта ограниченность прогрессистских историков была в значительной мере преодолена во второй половине XX в. представителями “новой левой” (известна также как “радикальная”) и “новой социальной” историографических школ⁹.

Проблема рабства признаётся основополагающей причиной Гражданской войны и автором настоящей статьи. Вместе с тем, на мой взгляд, заслуживает углубленного специального рассмотрения вопрос об удельном весе в воздействии на конфликт Севера и Юга разных составляющих этой проблемы, как и роли разных групп белого населения, как, конечно, и самого негритянского народа, в вызревании драматического конфликта.

К остро дискуссионным аспектам проблемы рабства как источника Гражданской войны традиционно относятся положение черных рабов в предвоенный период и их роль в вызревании кровавой схватки Севера и Юга. Исходными вехами дискуссии можно признать концепцию представителя “южной школы” У. Филлипса и противоположную по выводам концепцию С. Элкинса. Если Филлипс обосновывал позитивное воздействие рабства на чернокожих невольников¹⁰, то Элкинс в монографии 1959 г.¹¹ доказывал, что черные рабы находились в состоянии перманентной деградации, существовали в условиях, сравнимых с гигантским концентрационным лагерем, а власть белых была для них историческим проклятием. При всем отличии и даже несовместимости двух историков в оценках положения черных невольников, они сходились в одном пункте: Филлипс утверждал, что у черных рабов не было никаких оснований сопротивляться своему положению, и они этого не делали, а Элкинс полагал, что южные невольники были доведены своими хозяевами до такого изнеможения и оупления, что утратили саму способность к сопротивлению. Т.е. оба историка полагали, что черные рабы никак не способствовали возникновению антирабовладельческой революции.

Концепции Филлипса и Элкинса послужили исходной платформой длительной, продолжающейся по сегодняшний день дискуссии о положении черных рабов в южных штатах в предреволюционные десятилетия. О достижении научного согласия в этом вопросе можно говорить в ограниченной степени. Одна их ведущих позиций в дискуссии принадлежала лидерам “новой экономической истории” Р. Фогелу и С. Энгерману¹² и их последователям. Свой вывод о капиталистическом характере и высокой рентабельности южного рабовладения они неизменно дополняли выводами о посто-

⁷ Turner F.J. The United States. 1830–1850. The Nation and It's Sections. New York, 1935.

⁸ Beard Ch.A., Beard M. The Rise of the American Civilization. v. 1–2. New York, 1927. v. 1, p. 702; v. 2, p. 3, 7, 100.

⁹ Среди их исследований хотелось бы особенно выделить работы профессора Колумбийского университета Э. Фонера, удостоенные многих академических наград. См.: Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men. New York, 1970; *idem*. Reconstruction. America's Unfinished Revolution. 1863–1877. New York, 1988.

¹⁰ Phillips U. American Negro Slavery. New York, 1918; *idem*. Life and Labor on the Old South. Boston, 1929.

¹¹ Elkins S.M. Slavery: A Problem in American Institutional and Intellectual Life. Chicago, 1959.

¹² Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross, v. 1–2. Boston, Toronto, 1974.

янным улучшении положения черных рабов и даже во многом лучших условиях их материального существования в сравнении с белыми рабочими. Концепция Фогела и Энгермана была развита в других трудах, в том числе и археологических. Археологи, раскапывавшие жилища черных рабов середины XIX в., обнаружили, например, что хотя те и питались хуже своих хозяев, но регулярно употребляли мясо домашних животных и различные сорта рыбы¹³.

Достаточно быстро у Фогела и Энгермана появились и оппоненты среди самих клиометристов, пришедшие к отличающимся выводам. Но оппоненты не восприняли и заключений Элкина о перманентной деградации черных рабов. Напротив, в их среде оформилась научная школа, ставшая частью “новой социальной истории”, представители которой доказывали, что, несмотря на тяжкие условия существования, черные рабы смогли сохранить человеческое достоинство и даже – благодаря собственным усилиям и вопреки воле хозяев – создать для себя цивилизованные условия существования. В первую очередь речь шла о создании черными рабами семьи, их приобщении к христианской религии, выработке своеобразных афроамериканских цивилизационных и культурных норм и традиций.

Создание унифицированной картины положения черных рабов затруднено по той причине, что на плантациях и фермах различного типа и разной специализации оно подчас заметно различалось. Тем не менее определенная усредненная картина экономического и правового положения рабов вполне достижима. По сравнению с XVII и XVIII вв. положение чернокожих невольников изменилось к лучшему. В XIX в. осуществился переход черных рабов к нуклеарной семье, при этом не менее двух третей семей жили в отдельных бревенчатых хижинах. Большинство рабов приобщилось к христианской религии. Многие среди них стали получать регулярную медицинскую помощь от хозяев. Улучшился рацион питания черных рабов, который включал различные мясные продукты, рыбу, овощи и фрукты. Улучшилось и их правовое положение. В некоторых штатах были приняты законы, ограничивавшие продажу рабов, особенно несовершеннолетних детей, отдельно от их семей. Были запрещены самые жестокие методы наказания или пыток рабов, например, кастрация, которая широко практиковалась в предшествующие столетия.

Но все эти позитивные сдвиги в положении рабов не означали принципиального или даже сколько-нибудь серьезного уменьшения власти над ними их хозяев, как и коренных изменений всех их статусов – экономического, правового, политического. Как классово-экономическая, социально-правовая и расовая общность, черные рабы оставались париями Америки. По своему основополагающему статусу рабы оставались “говорящей собственностью”, и именно этот статус, в первую очередь, продолжал определять их положение в XIX в., также как он определял его в предшествующие столетия. На практике хозяева обладали полной свободой купли-продажи рабов и могли без труда проигнорировать законы, которые ограничивали их в этом основополагающем праве. Прибегая к этому праву, они, по подсчетам историков, разрушали каждую третью молодую негритянскую семью. Они имели возможность уклониться от наказаний за самые тяжкие преступления против черных рабов, ибо закон запрещал последним свидетельствовать не только против своих хозяев, но и вообще против белых американцев (рабы имели право свидетельствовать только против своей расы). Смертельной опасностью подвергались беглые рабы – по неписаному закону они могли быть пристрелены любым белым¹⁴.

¹³ См. об этом: *Perry J.C. Myths and Reality of American Slavery*. Shippensburg, Pennsylvania, 2002, p. 109–111.

¹⁴ Обобщения сделаны на основе данных, почерпнутых из работ: *Bancroft F. Slave Trading in the Old South*. New York, 1931; *Franklin J.H. The Militant South. 1800–1861*. Cambridge, 1956; *Franklin J.H., Moss A.A. Jr. From Slavery to Freedom. A History of African Americans*. New York, 1994; *Kolchin P. American Slavery. 1619–1877*. New York, 1999; *Trotter J.W. Jr. The African American Experience*. Boston – New York, 2001, p. 178–181; *Cook R. Civil War America. Making a Nation. 1848–1877*. London – New York, 2003, p. 16–17.

Ответом на тяжелое положение и бесправие черных рабов стали разнообразные формы социального протеста. Самой радикальной были бунты и восстания. Эта тема вызывала различные, подчас противоположные оценки историков. Историки левой ориентации, также как и афроамериканские исследователи, неизменно отводили им важнейшую роль в расшатывании рабовладения. Но многие историки, наоборот, доказывали, что вооруженные выступления черных рабов происходили редко, вовлекали небольшое количество участников. Представляется, что именно эта оценка в большей степени соответствует действительности. В XIX в. были отмечены только три заметных вооруженных выступления черных рабов, масштабы которых были достаточно скромными – каждое из них не выходило за рамки одного штата, и участвовало в нем не более нескольких десятков человек.

Первое такое выступление произошло в 1800 г. в Виргинии. Несколько десятков рабов во главе с Гэбриэлем Проссером в конце августа взбунтовались недалеко от столицы штата Ричмонда. Губернатор Дж. Монро действовал энергично, и бунт был быстро подавлен. Более 30 участников во главе с Проссером были казнены. В 1822 г. Денмарк Виси, свободный негр из Южной Каролины, попытался организовать вооруженное выступление рабов в Чарлстоне. Но еще во время подготовки выступления заговор был раскрыт, и несколько десятков его участников во главе с Виси казнены. При подавлении обоих бунтов осведомителями белых властей оказались лояльные черные рабы. Самое известное восстание рабов произошло в 1831 г. в Виргинии. Чернокожие невольники во главе с Натом Тёрнером ворвались в дом хозяина и уничтожили всю его семью. После этого бунтовщики двинулись в другие населенные пункты графства и в течение суток убили около 60 человек, среди них большинство детей¹⁵. Власти ответили жестоким подавлением бунта – были убиты более 100 чернокожих, на несколько десятков человек больше, чем непосредственно участвовало в выступлении. Сам Тёрнер был схвачен и казнен через два месяца.

Быстрое раскрытие заговоров, их энергичное и безжалостное подавление во многом были следствием эффективности репрессивной машины рабовладельческого Юга. Жесткие репрессии белой власти должны были вселить в черных рабов страх и убеждение, что любой бунт бессмыслен и будет беспощадно подавлен. Гораздо чаще рабы прибегали к пассивным формам сопротивления, например, отлынивали при каждом удобном случае от работы или работали “спустя рукава”. Но наиболее распространенной формой сопротивления рабству по мере приближения Гражданской войны становилось бегство рабов в свободные штаты. И опять-таки ученые спорят о масштабах и последствиях этих побегов. По официальным данным, которыми пользуются многие историки, в год убегало до тысячи черных рабов. Но ведущие афроамериканские исследователи приводят расчеты и аргументы, согласно которым накануне Гражданской войны на Север ежегодно бежало не менее 50 тыс. рабов¹⁶. Историки, которые разделяют эти выводы, полагают, что по совокупности данных именно сопротивление рабов, как активное, так и пассивное, сыграло решающую роль в расшатывании рабовладения¹⁷. Но большинство американских историков сегодня придерживаются иного мнения, а некоторые вообще не отводят этому фактору сколько-нибудь важного места среди причин Гражданской войны. Думается, он играл важную роль в вызревании Гражданской войны, и не только сам по себе, но и как стимулятор активности северных аболиционистов, которые видели, что их действия и усилия совпадают с устремлениями самих рабов, и вдохновлялись сопротивленческой позицией черных невольников. Но всё же ставить сопротивление рабов на первое или одно из первых мест среди причин Гражданской войны было бы преувеличением. Ведущее

¹⁵ Trotter J.W. Jr. Op. cit, p. 203.

¹⁶ Franklin J.H., Schweninger L. Runaway Slaves: Rebels on the Plantation. New York – Oxford, 1999, p. 270–294.

¹⁷ Aptheker H. American Negro Slave Revolts. New York, 1963; Ashworth J. Slavery, Capitalism and Politics in the Antebellum Republic, v. 1–2. Cambridge, 1995. v. 1, p. 6–9; Franklin J.H., Schweninger L. Op. cit.

же место принадлежало конфликту по поводу рабства между самими белыми американцами.

На Севере большинство белых американцев (но далеко не все) были противниками рабства, белые же южане его практически единодушно поддерживали. Единство в отношении к рабству не означало, что между белыми жителями южных штатов вообще не возникало разногласий или не было различий. Социальные различия между белыми Юга были не менее, а в ряде отношений даже более острыми, чем на Севере. Например, на Юге более глубокой и яркой была социальная дифференциация белого населения, особенно же разрыв между сверх богатыми и бедными.

Белые бедняки и малоимущие фермеры выказывали неприязнь к богатым южанам, что зафиксировано в разнообразных первоисточниках, но в отношении к черным рабам они неизменно демонстрировали солидарность с плантаторами. Тому есть несколько объяснений. Одним из главных является социокультурное: многие белые бедняки включали в свою “американскую мечту” приобретение рабов и вхождение в рабовладельческий класс, пусть и в его нижние слои; в отношении черных рабов они ощущали себя социальным верхом, в определенном смысле родственным с подлинным верхним классом и солидаризировались с ним в признании необходимости сохранения “говорящей собственности” и единения в отношении к ней белой расы¹⁸.

Северные штаты, особенно их политическая элита, и в первой, и во второй четверти XIX в., осуждая рабство, считая его чуждым американским первоосновам, были вместе с тем готовы к компромиссу с южанами. На протяжении всего этого периода конфликт Севера и Юга носил по большей части латентный характер. В основе длительного компромисса северян с южными рабовладельцами лежало не только желание сохранить федеральный Союз и социальный мир, но и расовая солидарность с южанами в отношении к чернокожим американцам. Белые северяне, даже осуждая рабовладение, отнюдь не рассматривали чернокожих как равных себе, напротив, видели в них низшую расу, которую лучше всего было бы удалить из США.

“Север рабства” – так назвал свою монографию о положении свободных негров в северных штатах в первой половине XIX в. Л. Литвак, один из наиболее авторитетных исследователей этой темы (лауреат Пулитцеровской премии, экс-президент Организации американских историков)¹⁹. Историк имел в виду, что и в северных штатах, антагонисте Юга, чернокожие американцы оставались париями общества, нежелательными гражданами, во всех отношениях стоявшими ниже белых и отделенных от них стеной сегрегации и расовой вражды. Чернокожие американцы добились определенных прав в северных штатах в период Первой Американской революции (1775–1783), но в последующем эти права стали радикально ограничиваться.

По свидетельству А. де Токвиля, посетившего США в 1831 г., белые и черные в свободных штатах представляли отдельные касты – высшую и низшую. По заключению французского путешественника, чернокожие в свободных штатах были совершенно бесправны, а отношение к ним белых заключало в себе даже больше предубеждений и презрения, нежели в штатах, где господствовало рабство. Перспектива взаимоотношений белой и черной рас рисовалась Токвилю в мрачном свете. Рабство в Америке, по его убеждению, в итоге будет отменено, но за этим последует кровавая межрасовая война, в результате которой свободные негры будут или истреблены, или выселены в изолированную резервацию²⁰.

Одно из главных убеждений белых американцев в свободных штатах состояло в том, что две расы несовместимы, что идея их интеграции утопична, вредна и опасна и что настоящая цель заключается в отделении черных от белых и в изыскании способов

¹⁸ Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. The Civil War and Reconstruction. New York, 2001, p. 36–41; Kolchin P. Op. cit., p. 180–181; Franklin J.H., Moss A.A. Jr. Op. cit, p. 122–123.

¹⁹ Litwack L.F. North of Slavery: the Negro in the Free States, 1790–1860. Chicago, 1961.

²⁰ Tocqueville A. de. Democracy in America, New York, 1945. v. 1, p. 259–260, 370–373, 390–392, 397.

избавления от негров. Одним из таких способов стало ограничение или даже запрет дальнейшего въезда негров в северные штаты – подавляющее большинство из них приняли в первой половине XIX в. соответствующие законы. Самым опасным орудием в руках свободных негров, с точки зрения белых, являлось избирательное право, поэтому в первой половине XIX в. в свободных штатах были предприняты массированные атаки на право голоса, предоставленное неграм в революционную эпоху конца XVIII в. При этом лишение негров избирательных прав развивалось параллельно с расширением избирательных прав белых (оно в первой четверти XIX в. было распространено на всех взрослых белых мужчин, независимо от имущественного положения). К 1840 г. 93% негритянского населения Севера были лишены избирательных прав, при этом право голоса было отнято у них даже в штатах, например, Пенсильвании, являвшихся традиционно оплотом либерализма²¹.

Огромную популярность в северных штатах приобрела идея о необходимости полного разделения белой и черной рас посредством возвращения всех негров в Африку или же их вывоза в Латинскую Америку. Сторонники отправки черных в Африку, где с этой целью была создана специальная колония со звучным названием Либерия, объединились вокруг Американского колонизационного общества, возникшего в 1817 г. Общество предполагало вывоз в Либерию не только свободных негров, но также и рабов по мере их постепенного освобождения по воле хозяев. Подобный замысел вызвал возмущение со стороны рабовладельцев, которые и не помышляли освобождать черных невольников. В 1830 г., отвечая на протест плантаторов Южной Каролины по поводу планов и деятельности общества, его руководители заверили рабовладельцев, что безусловно признают их священное право на частную собственность, как и суверенитет южных штатов, но одновременно сочли необходимым предельно четко разъяснить собственную позицию. Бесконечное мирное проживание белой и черной рас в Соединенных Штатах, как вытекало из разъяснений Американского колонизационного общества, являлось в условиях США не более чем прекраснодушной утопией. Белые не были способны воспринять негров в качестве равных и подобных себе, во-первых, в силу прочно укоренившегося отношения к ним как к низшему сословию, а во-вторых, из-за черного цвета кожи. Программа колонизационного общества была воспринята политическими кругами северо-восточных штатов в целом. В 1827 г. началась отправка первых свободных негров-добровольцев в Либерию. К 1830 г. в Африку было вывезено 1420 чернокожих американцев. Но затем процесс застыл, и в период до Гражданской войны из США выехало не более 15 тыс. негров.

Неудача проекта колонизационного общества объяснялась рядом причин, но главной оказалось твердое нежелание подавляющего большинства свободных негров (их тогда насчитывалось около 400 тыс.) покидать Соединенные Штаты. Пик их протеста против, по определению лидеров чернокожих американцев, “одного из самых диких проектов, когда-либо выдвинутого просвещенными людьми”, пришелся на конец 1820-х годов²². К этому же времени в северных штатах созрел и протест той части белых американцев, которые признали, что не только рабовладение, но в равной степени разделение и неравноправие двух рас несовместимы с основополагающими ценностями либерально-демократической цивилизации. Так зародилось аболиционистское движение, выдвинувшее две радикальные цели – безотлагательная отмена рабства и обеспечение чернокожих равными с белыми гражданскими и политическими правами на территории самих США. Цели аболиционизма были впервые изложены его отцом-основателем Уильямом Ллойдом Гаррисоном в 1831 г. в созданной им же газете “Либерейтор”²³.

Идеи Гаррисона, в полной мере соответствовавшие духу, впрочем, как и букве либерально-демократических ценностей, не получили сколько-нибудь широкой под-

²¹ Litwack L.F. Op. cit, p. 16, 29, 40–43, 79.

²² Franklin J.H., Moss A.A. Op. cit., p. 169.

²³ См. подробно: *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995, с. 74–80.

держки. В 1840 г. когда аболиционистами была создана партия Свободы, она смогла собрать на президентских выборах только 7 тыс. голосов, а на выборах 1844 г. ее поддержали около 63 тыс. человек. В 1848 г. партия Фри Сойл (в переводе – “Свободная земля”), пришедшая на смену партии Свободы, предпочла смягчить аболиционистскую критику. Эта партия, выдвинувшая крылатый лозунг “Свободная земля, свободный труд, свободные люди”, который стал девизом противников рабства в целом, в конкретной программе ограничивалась требованием запрета распространения рабства на свободные территории. Но и фрисойлеры не смогли пошатнуть позиции главных национальных партий – демократов и вигов.

В целом в 1820–1840-х годах противники рабства, а тем более расизма в северных штатах оставались в явном меньшинстве. Их конфликт с белыми южанами мало влиял на общественно-политическую обстановку в стране, а политическая элита США их игнорировала. Они испытывали враждебное отношение со стороны не только южных штатов, но и многих жителей свободных штатов. Аболиционисты подвергались регулярным нападениям (подчас со смертельным исходом) белых расистов-северян, большинство среди которых принадлежало к социальным низам²⁴.

Резкое обострение конфликта Севера и Юга на рубеже 40–50-х годов формально имело в своей основе земельный спор: два региона вступили в спор по поводу распределения между ними отнятых у Мексики огромных юго-западных территорий. Это и послужило основанием Ф. Дж. Тёрнеру, как и ряду других историков, утверждать, что *конфликт Севера и Юга был по своей сути аграрным, а рабство к нему отношения не имело*. Данное положение, весьма популярное в историографии, уязвимо для критики уже по той причине, что достаточно быстро, уже во второй половине 1850-х годов именно проблема рабства, а не земельный спор, выдвинулась на первое место в дискуссиях и противоборстве Севера и Юга и стала фундаментальной причиной раскола двух регионов.

Конфликт Севера и Юга впервые обозначился в острой форме в 1846 г., когда представитель Демократической партии Д. Уилмот внес в Конгресс предложение о запрете на присоединяемых к США мексиканских территориях рабства. Это предложение Конгрессом США было отклонено. Вслед за этим последовали события, прежде для американской политической элиты немыслимые. Сразу после войны США с Мексикой (1846–1848) часть деятелей Демократической партии во главе с недавним президентом США Ван Бюреном образовали партию Фри Сойл, которая взяла на вооружение требование полного запрета рабства на новых землях. Это стало важнейшей причиной поражения Демократической партии на президентских выборах 1848 г. (Демократическая партия и фрисойлеры, вчерашние демократы, вместе набрали больше голосов, чем виги, так что при отсутствии раскола демократы вполне могли сохранить за собой президентское кресло).

Конфликт внутри правящего класса всё более углублялся, и следующей его вехой стали дискуссии 1850 г. Во время “великих дебатов” в сенате США (событие названо так по той причине, что это был один из самых жарких споров в верхней палате Конгресса США за всю ее историю) южане твердо настаивали на том, что рабовладельческие штаты имеют право на доступ к новым территориям, а влиятельные северяне, наконец-то, проявили решимость поставить предел распространению антилиберального института “вири”. Верх взяли сторонники компромисса во главе с вигом Г. Клеем.

Сразу же выяснилось, что компромиссные предложения Клея не устраивали могущественные общественно-политические круги как на Севере, так и на Юге. Многие южане отвергали содержавшиеся в компромиссе уступки свободным штатам, а на Севере стали набирать силу те, кто решительно противился уступкам рабовладельцам. Среди северян особое возмущение вызвал новый закон о беглых рабах, являвшийся частью компромисса Клея. Закон изымал вопрос о беглых рабах из юрисдикции самих северных штатов (как это было прежде) и передавал его в ведение специальных

²⁴ Grimsted D. American Mobbing, 1828–1861. Toward Civil War. New York – Oxford, 1998.

уполномоченных федеральной власти. При этом за решение в пользу истца-рабовладельца, уполномоченный получал вознаграждение в 10 долл., а за решение в пользу чернокожего американца – 5 долл. Эти цифры определили предпочтения федеральной власти и ее уполномоченных – в течение трех лет после вступления закона в силу в пользу рабовладельцев было вынесено 75 решений, а в пользу чернокожих не более 15²⁵. Прежние же решения судебных инстанций самих северных штатов были прямо противоположными; они, если перефразировать известную средневековую западноевропейскую максиму, чаще всего исходили из того, что “воздух Севера делает человека свободным” (другое дело, что северяне предпочли бы, чтобы на их территории не было вообще никаких негров и не считали необходимым наделять свободных негров равными гражданскими и политическими правами). Массовый выигрыш рабовладельцами судебных исков в свободных штатах имел следствием всплеск в них антирабовладельческих настроений. И, если прежде гнев обывателей в свободных штатах чаще падал на аболиционистов, то теперь он уже чаще оборачивался против рабовладельцев, выигрывавших судебные дела не на своей территории.

Настоящий раскол в отношении Севера и Юга внес закон Канзас – Небраска, одобренный Конгрессом США в 1854 г. Закон был предложен С. Дугласом, одним из лидеров Демократической партии, в связи с обсуждением вопроса о приеме в Соединенные Штаты двух новых территорий. Обе эти территории, Канзас и Небраска, лежали севернее 36°30' северной широты и, согласно Миссурийскому компромиссу 1820 г., который поддерживался на протяжении 34 лет и являлся главным условием сохранения мира между свободными и рабовладельческими штатами, как и целостности американского Союза, могли быть включены в США только в качестве свободных штатов. Законопроект Дугласа наносил сокрушительный удар по этому компромиссу и как следствие – по всей системе баланса сил между Севером и Югом. Согласно законопроекту вопрос о разрешении или запрете на новых территориях рабства, независимо от того, должны ли они отходить по Миссурийскому компромиссу к северным или южным штатам, мог быть решен самим населением новых штатов, которое реализует свою волю при помощи процедуры демократического волеизъявления.

Дуглас и его сторонники доказывали, что их волнует не вопрос о рабстве, который они вообще не хотели вносить в повестку дня, а вопрос о том, какой должна быть процедура приема новых штатов в Союз. При этом, указывали они, демократическое волеизъявление приобретет силу закона и в том случае, если оно одобрит рабство, и в том, если отвергнет его. А сам Дуглас, пытаясь отвести любые обвинения в защите интересов рабовладения, доказывал, что рабство не сможет укорениться ни в Небраске, ни в Канзасе.

Все эти аргументы не смогли, однако, обмануть ни противников рабства, ни жителей северных штатов в целом. Главным в законе Канзас – Небраска для них было то, что он создавал возможность проникновения и легализации рабства в сфере влияния свободных штатов и изменял сложившийся политический порядок в пользу рабовладельческого Юга. И уже во время обсуждения и голосования закона Канзас – Небраска американские политики разделились главным образом по географическому, а не по партийному признаку. Это новое, секционнно-географическое разделение американских политиков, в будущем закреплявшееся все больше и больше, подорвало прежнюю двухпартийную систему.

Последствия принятия закона Канзас – Небраска для расстановки политических сил в США сказались незамедлительно. Уже в середине 1854 г. большая часть вигов и демократов из свободных штатов, объединившись с фрисойлерами, объявила о создании Республиканской партии, потребовавшей недопущения рабства на любой части новых территорий, как на Севере, так и на Юге. Образование Республиканской партии нанесло чувствительный удар по прежним партиям. Существенный урон понесло се-

²⁵ *Fehrenbacher D.F. The Slaveholding Republic. An Account of the United States Government's Relation to Slavery. New York, 2001, p. 235.*

верное крыло Демократической партии, ставшее одним из главных доноров республиканцев. Но наиболее чувствительными оказались потери Вигской партии, фактически 1854 г. сокрушил ее как национальную политическую силу.

С 1854 г. Республиканская партия все более упрочивается в качестве главной антирабовладельческой силы США.

Ее позиция, идеология и действия, определяли характер конфликта Севера и Юга, *в наибольшей мере отражали умонастроения северян в целом, и по ним, в первую очередь, следует судить об изменении характера и содержания противоречий двух регионов.* Республиканцы с самого начала опирались на широкую либерально-демократическую коалицию, в которой были представлены самые разные социальные слои, но преобладали средние и мелкие собственники, фермеры, мастеровые, рабочие, а в их руководстве, в сравнении со всеми главными американскими партиями, было гораздо больше выходцев из нижних слоев.

Республиканцы неизменно исходили из несовместимости основополагающих для них ценностей либерализма и демократии, с одной стороны, и рабовладения, с другой. По этой причине партия заслуживает названия антирабовладельческой, но это определение применительно к республиканцам нуждается в серьезном осмыслении и комментарии. В партии были разные политические течения, а наиболее влиятельными были два – радикальное и умеренное. Радикалы, костяк которых составили аболиционисты, предполагали не только отмену рабства, но также уравнивание негров в гражданских и политических правах с белыми. Но в 1850-х годах радикалы явно уступали в политическом весе умеренным, и именно последние определяли мировоззрение и стратегию Республиканской партии предреволюционного десятилетия.

В антирабовладельческой же позиции умеренного течения были заключены как минимум два принципиальных отличия от радикальной позиции. Во-первых, умеренные, лидером которых, как и Республиканской партии в целом, выступал А. Линкольн, ориентировались на длительную эволюционную отмену рабовладения посредством запрета его распространения на свободные земли, а сохранение рабства в южных штатах не подвергали сомнению (но они вместе с тем были уверены, что рабство там обречено на отмирание и что бесконечное сосуществование свободных и рабовладельческих штатов невозможно; отсюда и крылатая библейская фраза, использовавшаяся Линкольном – “Дом, разделившийся внутри себя, не устоит”). Во-вторых, умеренные, соглашаясь, что отмена рабства отвечает интересам негров, исходили из того, что сама Республиканская партия *осуждает и отвергает рабство, имея в виду интересы белой Америки, для которой избавление от рабовладения обернется экономическим процветанием всех социальных классов и групп, упрочением либерализма и демократии, морального и нравственного здоровья.* Умеренные, доказывая невозможность бесконечного сосуществования свободы и рабства, одновременно доказывали и невозможность сколько-нибудь длительного сосуществования белой и черной рас. Они восприняли логику и аргументацию Колонизационного общества и вынашивали идею вывоза освобожденных негров из США²⁶. Антирабовладельческая позиция белого большинства уживалась с белым расизмом.

Противоречивая позиция Республиканской партии в отношении черных рабов весьма полно и точно отразилась в высказываниях и оценках Линкольна. Он не раз заявлял, что принцип Декларации независимости о равных естественных правах людей распространяется как на белых, так и на черных, но он же, идя на очевидные уступки расовым предрассудкам белых избирателей, занимал весьма непоследовательную позицию в вопросе о том, какими гражданскими и политическими правами должны быть наделены освобожденные рабы на деле. Выступая перед массовыми аудиториями, он исключал из этих прав то равное с белыми право на образование, то право избирать и

²⁶ Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men, p. 41, 45, 63, 140–141, 146–151, 164, 188–189, 269, 281, 290–291, 294–295.

быть избранным, то право на приобретение собственности²⁷. В конечном счете, ссылаясь на неискоренимость расовых предрассудков белых американцев и вражду двух рас, Линкольн связывал реальную возможность реализации естественных прав негров с возвращением их после освобождения на прародину в Африку. Даже в конце 1862 г. на встрече с делегацией свободных негров Линкольн заявлял, что “две расы должны быть разделены”²⁸.

Главное внимание в идеологии Республиканской партии было уделено обоснованию *несовместимости рабовладения с интересами подавляющего большинства белых американцев*. Своей главной целью они провозглашали утверждение “цивилизации свободного труда” (*free-labor civilization*)²⁹, опорой которой являются трудящиеся классы – рабочие, фермеры, а также мелкие и средние предприниматели, которые непосредственно участвовали в производственном процессе и доходы которых основывались на собственном трудовом вкладе.

Республиканцы отказывались проводить принципиальные различия между этими социальными слоями и по той причине, что границы между фермерами и рабочими оставались в Америке, по их убеждению, подвижными, эти слои беспрерывно обменивались между собой, а среди собственников численно преобладали мелкие независимые предприниматели и фермеры, в значительной мере вчерашние рабочие. А. Линкольн неизменно подчеркивал, что представляет интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает и которые работают на самих себя и свои семьи. Такой предприниматель и фермер, доказывал он, является центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что в Америке труд стоит выше капитала и выступает в качестве главной ценности общества. Статус наемных рабочих характеризовался Линкольном как переходный. Ссылаясь на свой жизненный опыт, он доказывал: усердные и предприимчивые рабочие имеют в Соединенных Штатах стопроцентный шанс завести собственное дело и просто обязаны стремиться к этой цели. Но чтобы эта американская мечта становилась явью, в стране должна повсеместно утвердиться система свободного труда³⁰. Отсюда вытекал один из основополагающих лозунгов республиканцев – “Свободный труд!”

Свою цель как политической партии республиканцы видели в том, чтобы с помощью государства помочь гражданам реализовать американскую мечту. Хотя большинство среди них отрицательно относилось к сверхбогатствам, они не принимали идеи перераспределения собственности. Главная возможность обращения американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению республиканцев, заключалась в предоставлении им свободного доступа к западному земельному фонду. С момента возникновения Республиканская партия стала отстаивать закон о гомстедах: согласно ему, земельные участки на свободных территориях должны были предоставляться простым труженикам или бесплатно, или за минимальную, чисто символическую плату. Такой подход был несовместим с распространением на новые территории рабства, в связи с чем формулировался второй важнейший лозунг Республиканской партии: “Свободная земля!”³¹. Еще до начала Гражданской войны они внесли в Конгресс США законопроект о гомстедах, который был отклонен усилиями представителей рабовладельческих штатов.

Было очевидно, что главным препятствием на пути реализации социальной программы Республиканской партии оказывались рабовладельцы, твердо вознамерившиеся прибрать западные земли к своим рукам и утвердить там рабский труд. Борьба против плантаторов обретала для республиканцев характер политической закономерности: без ликвидации рабства ее цели были недостижимы. Их осуществление по-

²⁷ The Collected Works of Abraham Lincoln. New Brunswick (New York), 1953–1955. v. 2, p. 405, 409, 520, 546–547; v. 3, p. 16, 83, 146, 222.

²⁸ Ibid., v. 5, p. 371.

²⁹ Цит. по: *Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men*, p. 39.

³⁰ The Collected Works of Abraham Lincoln. v. 3, p. 462, 477, 479; v. 5, p. 52.

³¹ National Party Platforms, 1840–1864. Urbana, 1961, p. 48–49.

требовало выдвижения еще одного, третьего принципиального лозунга – “Свободные люди!”.

Линкольн, как и другие республиканцы, разделял и развивал идею Джефферсона о необходимости сочетать принципы представительного управления с прямой демократией, означающей расширение непосредственного участия народа в государственных делах. Именно Линкольну принадлежало определение демократии как “правления из народа, посредством самого народа, для народа”, ставшее в США классическим. В целом политическая, социальная и экономическая программа Республиканской партии оказывалась в явном противоречии с ценностями рабовладельческого Юга, и не случайно в мировоззрении республиканцев и их сторонников разногласия между Севером и Югом представляли как антагонизм двух *противоположных по сути цивилизаций, несовместимых общественно-политических систем*. Объективно Республиканская партия нацеливалась на *либерально-демократическую революцию*, которая призвана была обеспечить общенациональное торжество *буржуазно-либерального миропорядка*, причем развитие его не только *вширь*, но и – о чем наиболее ярко свидетельствовала аграрная программа партии – также и *вглубь*.

По мере приближения Гражданской войны всё больше республиканцев приходило к убеждению, высказанному в 1858 г. У. Сьюардом: цивилизациям Севера и Юга предстоял “неотвратимый конфликт”. Данное мнение разделялось не только республиканцами, в 1850-х годах всё большее число жителей северных штатов в целом стали рассматривать рабовладельческий Юг как враждебную цивилизацию, в корне отличную от Севера. Можно говорить о том, что в 1850-х годах в северных штатах произошла *идеологическая революция*. Их общественное мнение 1850-х годов являло собою поразительный контраст с ситуацией 1830–1840-х годов: тогда в отношении Юга не было не только вражды, но и сколько-нибудь массового негативного отношения³².

Быстро нараставшее отчуждение Севера от Юга сопровождалось не менее стремительным отчуждением рабовладельческих штатов от свободных: общественно-историческую противоположность двух регионов в 1850-х годах в равной степени осознали обе стороны. В 1850-х годах силу в плантаторских кругах все более набирали политические экстремисты. Они решительно настаивали на возобновлении ввоза в Соединенные Штаты рабов, распространении рабства на все новые территории, ужесточении репрессивного режима в отношении черных невольников. Вынашивалась и все более активно отстаивалась идея о необходимости существования Юга как автаркии, развивающей собственную промышленность, торговлю, финансы, изолирующей себя от капиталистического Севера. Южане подготавливали себя к инициативе отделения от Севера и настраивались на возможность и даже необходимость военных действий против Севера, защиты рабовладельческой цивилизации с помощью силы оружия³³. Активистская часть плантаторского класса готовилась к отделению от Севера и военным действиям еще до прихода Республиканской партии к власти³⁴.

Идеологические дискуссии и сражения северян и южан развивались на фоне непосредственных острейших политических столкновений, каждое из которых становилось катализатором Гражданской войны. Главное из этих столкновений произошло в 1854–1856 гг. после одобрения Конгрессом США закона Канзас – Небраска. Легализованная им формула свободного волеизъявления поселенцев как механизма общественного обустройства новых территорий привела к тому, что на территорию

³² Grant S.M. North Over South. Northern Nationalism and American Identity in the Antebellum Era. Lawrence, Kansas, 2000, p. 38.

³³ Franklin J.H. The Militant South, p. 225–249; Eaton C. The Growth of Southern Civilization. New York, 1961; Freehling W. The Road to Disunion: Secessionists at Bay, 1776–1854. New York, 1990; Oakes J. Slavery and Freedom: An Interpretation of the Old South. New York, 1990; Grant S.M. Op.cit., p. 33.

³⁴ Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США. – Новая и новейшая история, 2005, № 4, с. 42–57; *её же*. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США (1850–1861). Курск, 2008, с. 157–178.

Канзаса с целью воплощения угодного “народного суверенитета” устремились как прорабовладельческие, так и антирабовладельческие силы. В 1855 г. в Канзасе были приняты прорабовладельческая и антирабовладельческая конституции. Канзас оказался зеркалом разделенного американского общества, а события в этом штате заключали в себе модель последующего национального развития. Очень быстро они переросли в малую гражданскую войну, причем обе стороны обнаружили намерение сражаться не на жизнь, а на смерть. В 1856 г., к моменту завершения активных военных действий, потери сторон составили 200 человек убитыми. Обе стороны получили своих героев: у северян таковым оказался Джон Браун, впервые приобретший национальную известность.

В ситуации, когда попытки поселенцев в Канзасе выяснить отношения между собой зашли в тупик, разрешение канзасского кризиса стало во все большей степени зависеть от федеральной власти. Очень быстро обнаружилось, что на федеральном уровне большей поддержкой пользуются прорабовладельческие силы. На их стороне выступали президент Пирс, так же как и сменивший его на посту главы государства в 1857 г. Дж. Бьюкенен (как и Пирс, представитель Демократической партии). К поддержке прорабовладельческой позиции склонялось большинство сената, и только в палате представителей наблюдалось определенное равновесие сил и готовность к поиску компромисса. Благодаря позиции нижней палаты, прием Канзаса в Союз на условиях, навязанных рабовладельцами, был заблокирован (Канзас вошел в Союз, но уже в качестве свободного штата только в 1861 г.).

Откровенно прорабовладельческую позицию занял Верховный суд США. Избранная федеральной властью позиция твердой защиты интересов рабовладельцев усиливала радикальные настроения в северных штатах. Ярким их проявлением стала позиция У. Гаррисона и поддерживавшей его части аболиционистов. С середины 1850-х годов лидер аболиционистов начал проповедовать ту идею, что при существующей федеральной Конституции и сохранении политического союза с рабовладельцами отмена рабства невозможна и что свободные штаты должны пойти на разрыв с рабовладельцами и образование собственного государства. Гаррисон пророчил скорый крах в этом случае рабовладельческого государства, а вместе с ним и рабства, так как южные штаты, основывавшиеся на отсталой аграрной экономике, не могли выжить без промышленных товаров, финансов и банков Севера³⁵. Другое течение в революционном аболиционизме исходило из необходимости насильственного ниспровержения рабства на Юге. Осенью – зимой 1859 г. его представители во главе с Джоном Брауном подняли антирабовладельческое восстание в Виргинии, в котором участвовали как белые, так и чернокожие американцы. Восстание было жестоко подавлено, но радикальные настроения продолжали набирать силу.

И все же радикальная позиция не находила поддержки у большинства северян, продолжавшем спланироваться вокруг Республиканской партии. На национальных выборах 1860 г. А. Линкольн, лидер умеренного большинства республиканцев, был избран президентом США. Программа партии не посягала на рабовладельческие отношения южных штатов, как и прежде она ограничивалась требованием запрета распространения рабства на свободные территории. Но умеренность Линкольна не могла обмануть южан: они судили о целях северян и их “секционной партии”, как неизменно характеризовали республиканцев на Юге, по тысячам их речей, митингов, политических акций предшествующих лет. У них не было сомнений в том, что целью Севера было разрушение рабовладельческой цивилизации. 4 февраля 1861 г., за месяц до вступления Линкольна в президентскую должность одиннадцать южных штатов из 15 провозгласили образование собственного государства и обнародовали его конституцию (Делавэр, Мэриленд, Миссури, Кентукки, в которых позиции рабовладения были слабы и которые соседствовали со свободными штатами, сохранили верность Союзу).

³⁵ The Letters of William Lloyd Garrison, v. 1–4. Cambridge (Mass.), 1975. v. 4, p. 405, 408–409, 496, 567–574.

Президентом южной Конфедерации был избран Джефферсон Дэвис, а вице-президентом – Александр Стеффенс. 18 февраля, т.е. раньше Линкольна, они были приведены к присяге. А. Стеффенс, излагая кредо нового государства, лаконично определил суть: “Краеугольным камнем нашего государства является та великая истина, что негр не равен белому человеку и что рабство – подчинение высшей расе – является его естественным и нормальным состоянием”³⁶.

Конфликт Севера и Юга, приобретший характер антагонизма двух разнородных общественно-политических систем, завершился длительным периодом революционных преобразований, вместивших в себя два крупных этапа – Гражданскую войну и Реконструкцию. Вопросы, которые неизменно являлись главными и наиболее дискуссионными при их изучении историками, заключались в том, насколько были глубоки и обширны осуществленные преобразования, в какой степени они были либеральными, демократическими и эгалитарными, что получили и что потеряли в результате разные социальные классы и слои американцев, белая и черная расы, какой была цена революции, ее кратковременные и долговременные экономические, социальные и политические следствия. Ниже этим вопросам будет уделено главное внимание.

Каждый из этапов второй Американской революции имеет собственную периодизацию. В Гражданской войне различимы два периода. В первый период – 1861–1862 гг. – Линкольн и его правительство твердо стояли на том, что с их стороны война ведется исключительно с целью восстановления единства федерального Союза, а ликвидация или даже ограничение рабства в их намерения не входит. Во второй период – конец 1862–1865 гг. – Линкольн и Республиканская партия восприняли цель полной отмены рабства и осуществления других радикальных общественных преобразований, что резко повлияло на характер войны, трансформировавшейся в *социально-политическую революцию*. В результате наступил перелом в войне, завершившейся полным разгромом рабовладельцев.

Особенностью Гражданской войны в сравнении с Реконструкцией было то, что главное место в ней все же занимали не социально-политические преобразования, а вооруженная борьба Севера и Юга. В ходе ее рухнула надежда Линкольна и его единомышленников завершить Гражданскую войну без революционного решения вопроса о рабстве. Летом-осенью 1862 г. после серьезных поражений армии северян их политическое руководство пришло к выводу о военно-политической целесообразности немедленного освобождения черных рабов и призыве их в армию. Прокламация об освобождении рабов, вступившая в силу с 1 января 1863 г., одним из следствий имела пополнение армии Севера сразу 100 тыс. чернокожих солдат. Это стало важнейшей причиной перелома хода военных действий в пользу свободных штатов. Подтверждался расчет Республиканской партии на активную поддержку армии Союза со стороны освобожденных рабов, подтверждались слова Линкольна: “Чем больше негры сделают для спасения Севера, тем меньше останется на долю белых солдат”. Впервые негритянские полки участвовали в сражении на стороне армии Союза 27 мая 1863 г. и, как засвидетельствовала влиятельная американская газета, “сражались как тигры”. Каждая новая битва обнаруживала, что негры готовы сражаться за свою свободу насмерть. В плену их, в отличие от белых, ожидало повешение или возвращение в рабство, поэтому они предпочитали умирать на поле боя. Всего в войне приняли участие 186 тыс. чернокожих солдат – 51 тыс. из свободных штатов и 135 тыс. из рабовладельческих. Каждый четвертый чернокожий солдат отдал жизнь за освобождение своей расы³⁷.

Освобождение рабов явилось важнейшей мерой, свидетельствовавшей о трансформации Гражданской войны Севера и Юга в социально-политическую революцию. Другой важнейшей мерой явился закон о гомстедах, одобренный Конгрессом США

³⁶ Cleveland H., Alexander H. Stephens: In Public and Private with Letters and Speeches Before, During and Since the War. Philadelphia, 1866, p. 721.

³⁷ История США. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, т. 1. М., 1983, с. 440.

20 мая 1862 г., т.е. еще до освобождения рабов. Он воплотил в жизнь либерально-эгалитарную аграрную программу Республиканской партии. Согласно закону, все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из государственного фонда после занятия и пользования соответствующим участком в течение пяти лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долл. Те же, кто хотел обратить участок в полную собственность быстрее, но не ранее чем через 6 месяцев после заявки, должны были уплатить также весьма небольшую сумму – по 1,25 долл. за акр.

Эту меру можно охарактеризовать как *самый выдающийся и самый демократический аграрный закон за всю историю США*. Он имел одновременно и антирабовладельческий характер, поскольку доступ к свободным территориям для рабовладельцев и рабовладения закрывался. Принятие закона упрочивало либерально-капиталистические начала американской цивилизации, оно открывало перспективу развития американского сельского хозяйства по самому прогрессивному в условиях рыночно-капиталистической экономики фермерскому пути. Несмотря на то, что практическая реализация закона в последней трети XIX в. сопровождалась многими нарушениями и коррупционными злоупотреблениями со стороны властей, земельными участками и фермами смогли обзавестись сотни тысяч простых американцев, Площадь выделенных по гомстед-акту земель составила в 60–90-х годах 170 млн. акров, что равнялось одной трети всего прежнего фермерского землевладения в США³⁸. Конкуренция и темпы развития в сельском хозяйстве США существенно оживились, так что закон немало поспособствовал укреплению американского сельского хозяйства в качестве одного из самых передовых в мире.

Вместе с тем гомстед-акт свидетельствовал о расовой ограниченности Гражданской войны как социально-политической революции: огромный западный земельный фонд открывался только для нижних слоев белых американцев и только в интересах белых американцев вводился запрет на дальнейшее распространение рабства. В момент обнародования гомстед-акта Линкольн и его окружение еще не помышляли об освобождении рабов. Последовавшее же затем восприятие Линкольном идеи отмены рабства определялось фактором политической целесообразности. Прокламация от 1 января 1863 г. отменяла рабовладение в одиннадцати мятежных штатах, но сохраняла его в четырех лояльных. Это был только первый шаг в формировании революционной ментальности республиканцев и массы северян по отношению к черной расе. Лидеры республиканцев, как и основная масса белых американцев пока не помышляли о наделении освобожденных рабов равными гражданскими и политическими правами, напротив, они продолжали вынашивать идею о вывозе свободных черных американцев за пределы США. В стране продолжали возникать колонизационные общества, а Конгресс США в 1862 г. выкроил из дефицитного бюджета на их цели 100 тыс. долл.³⁹

Логика запущенной в жизнь социально-политической революции обусловила полную отмену рабства в США, не только в мятежных, но и в лояльных штатах Юга, в январе 1865 г. Конгресс США на исходе Гражданской войны просто не мог не принять соответствующую – 13-ю – поправку к Конституции США (она была ратифицирована необходимым большинством штатов в декабре 1865 г.). В исторической литературе остается непроясненным вопрос о том, сколько членов Конгресса, одоббивших эту меру, действовали по убеждению, а сколько руководствовались политическим расчетом. Но как бы то ни было, полная отмена рабства была выдающейся революционной мерой. Она покончила с дуализмом американской цивилизации и знаменовала превращение США в чисто либерально-капиталистическое общество. Она означала очень необычную, в высшей степени радикальную с точки зрения буржуазной ментальности акцию – экспроприацию частной (“говорящей”) собственности на сумму в 3 млрд.

³⁸ Encyclopedia of American History. Ed. R. B. Morris. New York, 1976, p. 636, 692.

³⁹ История США, т. 1, с. 429.

долл.⁴⁰ На протяжении десятилетий идеологи и политики свободных штатов накладывали табу на идею ограничения и тем более отмены рабства на том в первую очередь основании, что это означало бы недопустимое попрание священного права частной собственности. Но финальный и главный закон периода Гражданской войны поставил эту максиму ниже другой основополагающей либеральной ценности – неограниченно-го права каждого человека на собственную жизнь и свободу.

Окончание Гражданской войны означало завершение первой фазы либерально-демократической революции и наступление второй фазы, вошедшей в историю под именем Реконструкции (1865–1877). В отличие от Гражданской войны в ней отсутствовал вооруженный конфликт, но по накалу страстей и социально-политическому противоборству Реконструкция не уступала Гражданской войне. Саму Реконструкцию возможно разделить на два крупных этапа: на первом этапе, от окончания Гражданской войны до рубежа 60–70-х годов она развивалась по восходящей линии, сопровождалась все более радикальными мерами, а на втором этапе, закончившемся в 1877 г., стала затухать, а в ряде штатов фактически прервалась в уже самом начале 70-х годов. Первый этап Реконструкции обладает собственной внутренней периодизацией: первый, умеренный, период – с 1865 по 1866 г. известен как “президентская реконструкция”, а второй, радикальный, – с 1866 по 1869 г. – как “конгрессовская реконструкция” (иногда его также называют периодом “Реконструкции для чернокожих” – Black Reconstruction).

Планы Реконструкции, т.е. способов и условий обратного принятия мятежных штатов в Союз, стали разрабатываться, хотя и весьма вяло, еще в период Гражданской войны. Главными были два плана: президента Линкольна и радикальных республиканцев в Конгрессе. Линкольн предложил “мягкий” вариант: все сторонники рабовладельческой Конфедерации, за исключением ее верхушки, попадали под амнистию, а после того, как 10% избирателей того или иного мятежного штата подтверждали лояльность федеральному Союзу и соглашались с отменой рабства, этот штат возвращался в США на полноправной основе. Радикалы в конгрессе подготовили альтернативный закон: тот или иной мятежный штат мог вернуться в Союз только в том случае, если большинство его избирателей присягнуло на верность федеральному правительству и одобряют радикальные нововведения Гражданской войны. Линкольн наложил на радикальный законопроект вето и приступил к осуществлению Реконструкции по своему плану.

Программа Реконструкции приобрела настоящую актуальность уже после гибели Линкольна вслед за капитуляцией Юга. Новый президент Э. Джонсон, воспринявший основы плана Линкольна, в своей политике в южных штатах очень быстро перешел на откровенно консервативно-реставрационные позиции. Своими указами он возвратил бывшим плантаторам земли и имущество, конфискованные во время Гражданской войны (в том числе земли, которые уже были переданы освобожденным рабам)⁴¹. Президент объявил широкую, по сути, тотальную амнистию мятежникам (амнистия была несколько затруднена только для самых богатых рабовладельцев, которые должны были обратиться со специальным прошением к президенту). После того, как мятежные штаты согласились с 13-й поправкой к конституции, отменявшей рабство, в них были проведены выборы, в результате которых лидеры рабовладельцев практически в полном объеме вернули себе политическую власть на Юге, а некоторые из них даже были делегированы в Конгресс США.

Почувствовав в президенте союзника и покровителя, бывшие рабовладельцы стали восстанавливать свои социально-экономические и правовые позиции, в том числе утверждать фактическое и даже юридическое господство в отношении освобожденных негров. Конечно, о реставрации рабства речи быть не могло, но ему была найдена

⁴⁰ В историографии существуют различные оценки стоимости освобожденных рабов. Но преобладающей в ней является именно эта цифра. См. напр.: *Walton G.M., Rockoff H. History of American Economy. New York, 1998, p. 309; Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. Op. cit., p. 503.*

⁴¹ История США, т. 1, с. 467.

приемлемая альтернатива – так называемые “черные кодексы”, которые в 1865 г. были приняты на Юге повсеместно и практически ставили черных американцев в полную правовую зависимость от бывших хозяев. Правовое различие белой элиты и негров было недвусмысленно определено в “черных кодексах”: они обозначались как “хозяева” и “слуги”⁴².

Уже в своем первом ежегодном послании Конгрессу США 6 декабря 1865 г. президент продекларировал завершение процесса восстановления Союза и предложил законодателям вернуть южным штатам все их права. Тут-то Конгресс США и заявил твердое “нет” президенту, решительно отказавшись допустить в свои ряды вновь избранных депутатов-южан и обратился к разработке собственных законопроектов реконструкции общественно-политических порядков в южных штатах и их возвращения в Союз. Между Конгрессом и президентом США началась жесткая политическая борьба, растянувшаяся на два года. Но уже в 1866 г. Конгресс сумел подчинить развитие событий своей воле, начав осуществление радикальной Реконструкции.

Среди историков США оживленно дебатировался вопрос о том, каковой оказалась бы судьба Реконструкции, если бы Линкольн не был убит 14 апреля 1865 г. и оставался на своем посту до конца срока. Справедливым представляется вывод тех исследователей⁴³, которые доказывают, что между Линкольном и Джонсоном были принципиальные мировоззренческие и политические различия и что в силу этого фактора Линкольн, даже с учетом того, что его собственный план Реконструкции не отличался от плана Джонсона, мог пойти и пошел бы в изменявшихся политических условиях на сотрудничество с радикальными республиканцами, как он это делал неоднократно в годы Гражданской войны. Джонсон такой готовности не проявил и вступил с Конгрессом в конфронтацию, одну из самых ожесточенных, а то и самую ожесточенную за всю историю США.

С начала 1866 г. Конгресс прочно взял в свои руки фактически все государственное управление страной. В самом Конгрессе господствовала Республиканская партия, в которой сохранялись две фракции – радикалы и умеренные. Столкнувшись с консервативной оппозицией Джонсона, две фракции сумели достичь единства, при этом радикалы, бывшие в меньшинстве, добились идейного и политического лидерства, так что Реконструкция Юга стала осуществляться именно по их планам. Единство радикалов и умеренных носило тактический и временный характер, сохраняясь только до той поры, пока южные штаты не приняли продиктованных Конгрессом США условий. Побудительные мотивы радикалов и умеренных серьезно различались: если первые руководствовались принципиальными соображениями, искренне хотели с помощью национального государства “гарантировать чернокожим равные права в политике и равные возможности в экономике свободного труда”⁴⁴, то вторые поступали как политические прагматики, используя радикальные меры для уничтожения возможностей реставрации на Юге старого порядка и обеспечения полной победы капиталистического строя⁴⁵.

Конгресс приступил к политике радикальной Реконструкции в начале 1866 г., приняв законы о гражданских правах и о Бюро по обустройству освобожденных. Джонсон наложил вето на оба закона. Конгресс, твердо продолжая свою линию, принял 14-ю поправку к конституции, уравнивавшую негров в гражданских правах с белыми. Президент высказал отрицательное отношение к поправке, дав штатам недвусмысленный совет отвергнуть ее. 10 из 11 бывших мятежных штатов так и поступили, что оказалось достаточным для отклонения поправки.

⁴² Hine D.C., Hine W.C., Harrold S. African Americans. Upper Saddle River (New Jersey), 2004, p. 205.

⁴³ Foner E. Reconstruction, p. 179–181, 191; McPherson J.M. Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. New York, 1992, p. 494–497; Trefousse H.L. Abraham Lincoln and Andrew Johnson: a Comparison. – A Crisis of Republicanism. American Politics in the Civil War Era. London, 1990, p. 112–123.

⁴⁴ Foner E. Reconstruction, p. 237.

⁴⁵ Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. Op. cit., p. 536–541.

Осенью 1866 г. во время промежуточных выборов в Конгресс президент и радикальные республиканцы выступали уже как политические противники. Радикалы и примкнувшие к ним умеренные республиканцы добились убедительной победы, после которой обладали более чем двумя третями голосов в обеих палатах, а этого было достаточно для преодоления президентских вето. 2 марта 1867 г. Конгресс принял закон о Реконструкции, отвергнуть который Джонсон был уже не в состоянии (его вето было успешно преодолено). Согласно закону десять южных штатов, отказавшихся ратифицировать 14-ю поправку, разделялись на пять военных округов, каждый во главе с федеральным генералом. Во время чрезвычайного управления южные штаты были обязаны ратифицировать 14-ю поправку, одобрить новые конституции, которые бы наделили негров избирательными правами, выполнить ряд других условий. Только после этого Конгресс соглашался предоставить им равные права в федерации.

В течение двух лет Конгресс последовательно осуществлял на Юге политику радикальной реконструкции. В системе высшей государственной власти его главным противником оставался президент страны, в отношении которого законодатели вынуждены были использовать неординарные меры. Первой стал закон, согласно которому президент мог производить не только назначения (это предусматривалось и конституцией), но и смещения с государственных должностей только с согласия законодателей. Закон был призван защитить высших государственных лиц, в первую очередь военного министра Э. Стэнтона, твердо проводивших в жизнь линию Конгресса.

Попытка Джонсона сместить Стэнтона, игнорируя новый закон, привела к возбуждению Конгрессом процедуры импичмента президента. В феврале 1868 г. палата представителей 126 голосами против 47 высказалась в пользу импичмента. В сенате для отстранения Джонсона от должности не хватило одного голоса (35 голосов за, 19 против). Против при этом проголосовало несколько сенаторов от Республиканской партии, побоявшихся, что импичмент может нанести непоправимый ущерб институту президентства. Тем не менее процедура импичмента нанесла сокрушительный удар по Джонсону: он был деморализован и противодействовать Конгрессу более не мог. На президентских выборах 1868 г. республиканцы выдвинули кандидатом в президенты генерала У. Гранта, который и стал главой государства.

Режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и Конгрессом в южных штатах, сопровождался принятием ряда радикально-демократических мер. Наиболее радикальными были политико-правовые преобразования. В 1867–1868 гг. в десяти подвластных Конгрессу США южных штатах были проведены конституционные конвенты, перед которыми ставилась задача уравнивать чернокожих в гражданских и политических правах с белыми. Во время их избрания несколько сот тысяч недовольных белых южан были поражены в избирательных правах, зато правом голоса были наделены все взрослые чернокожие мужчины. В результате число чернокожих избирателей заметно превысило число белых – 735 тыс. против 635 тыс.⁴⁶ Подавляющее большинство черных избирателей с энтузиазмом поддерживали кандидатов от Республиканской партии, так что она добилась безоговорочного господства на конституционных конвентах. Несмотря на то, что только в двух конвентах – в Южной Каролине и Луизиане в большинстве оказались чернокожие депутаты, а в восьми численное преимущество было у белых избранников, во всех конвентах тон задавали радикальные республиканцы, так что новые конституции десяти штатов оказались очень похожими и по своему демократизму даже превосходили конституции северных штатов. Все они наделили негров не только равными с белыми гражданскими правами, но и предоставили им равные политические права (в северных штатах негры получили избирательные права только после того, как федеральная Конституция была дополнена 15-й поправкой, одобренной Конгрессом США в 1869 г. и ратифицированной необходимым большинством штатов в 1870 г.)

⁴⁶ *McPherson J.M. Op. cit., p. 530.*

Избранные на основе новых конституций представительные и исполнительные органы власти южных штатов также отразили резкий рост политического влияния чернокожих граждан. В современной исторической литературе достигнуто согласие в том, что удельный вес представительства чернокожих был все же ниже, чем у белых, но это не отрицает того очевидного факта, что негры впервые в американской истории добились не просто вхождения в политическую власть, но и реального в ней участия. В годы Реконструкции в верхние палаты южных штатов были избраны 112 чернокожих депутатов, а в нижние – 683. Шесть чернокожих избирались вице-губернаторами, пять – мэрами, сорок один – шерифами⁴⁷. Более скромным выглядело представительство чернокожих южан в федеральном законодательном органе – за весь период Реконструкции в сенате США было только два черных депутата, а в палате представителей – 14. Но для позитивных перемен в их положении наибольшее значение имело именно представительство в законодательных органах южных штатов.

Благодаря деятельности новых законодательных органов чернокожие в южных штатах добились радикального улучшения своих собственных, семейных, судебных, как и иных гражданских прав, серьезного сокращения, а в ряде штатов и полной отмены сегрегации в школах, на транспорте, иных местах общественного пользования. Особо должно быть отмечено создание для чернокожих детей системы бесплатного школьного образования, в результате чего количество чернокожих детей, обучавшихся в школе увеличилось в несколько раз и к 1876 г. достигло 40% от всех чернокожих детей⁴⁸.

Гораздо более скромными оказались результаты Реконструкции в решении аграрного вопроса, равнозначного для чернокожих наделению их земельными участками, достаточными для благополучного материального существования. В 1866 г. Конгресс США, приступив к политике радикальной Реконструкции, принял гомстед-акт для южных штатов. Созданный им общественный земельный фонд южных штатов включал 1 млн. акров земли и предназначался для распределения между бывшими рабами, а также белыми бедняками. Но на практике закон этот потерпел фиаско: подавляющее количество земель, включенных в общественный фонд, были совершенно непригодны для сельского хозяйства, а пригодных земель хватило только для 4 тыс. негритянских семей. К 4 тыс. семей, получившим земельные участки от федерального правительства, следует также добавить 16 тыс. негритянских семей, получивших землю от самой демократичной среди южных законодательных собраний легислатуры Южной Каролины. Остальные негритянские семьи должны были приобретать земельные участки на собственные сбережения. К 1870 г. доля чернокожих фермеров составила только 2% от всех негритянских семей, занятых в сельском хозяйстве. К концу века эта цифра возросла до 20%, что, несмотря на заметную позитивную подвижку, свидетельствовала все же, по заключению большинства современных исследователей, о крахе аграрных ожиданий негритянского населения Юга.

Сказанное не означает, что бывшие рабовладельцы в полном объеме вернули и сохранили земельные владения. Напротив, в годы Реконструкции эти владения серьезно сократились, но не по причине земельных конфискаций. Бывшие плантаторы отказались от значительной части своих земель по иным причинам – некоторым оказалось не под силу платить новые, весьма высокие налоги на латифундии, другие не смогли приспособиться к новым условиям рыночно-капиталистической конкуренции, третьи были просто деморализованы результатами Гражданской войны и новым общественным порядком и предпочли продать земли буржуазным нуворишам, устремившимся на Юг в поисках сверхприбылей из северных штатов. Плантационное землевладение на Юге серьезно сократилось, но не утратило господствующих позиций. Это, по заключению ряда американских исследователей, на десятилетия предопределило замедленное экономическое развитие Юга по сравнению с Севером, как и явилось причиной

⁴⁷ Hine D.C., Hine W.C., Harrold S. Op. cit., p. 217.

⁴⁸ Cook R. Op. cit., p. 253.

развития капитализма в сельском хозяйстве южных штатов не по демократическому фермерскому, а по консервативному “прусскому” пути⁴⁹.

Условием возвращения 10 непокорных южных штатов в федеральный Союз являлось принятие ими новых конституций, гарантировавших гражданское и политическое равенство негритянского населения. По мере одобрения таких конституций они восстанавливались в правах, и чрезвычайный режим в них отменялся. К 1870 г. в федеральный Союз вернулись все 10 штатов, а в начале 1870-х годов практически все южане, участвовавшие в войне против США, были полностью амнистированы. Но уже вскоре после завершения процесса “исправления” Юга в нем вновь, как и в 1865–1866 гг., обозначились реставрационные тенденции. Особенность их заключалась в том, что “исправившиеся” (в американской литературе в данном случае используется понятие *redeemers*) южане не пытались отменить новые конституции, как и отнять у негров приобретенную ими собственность, лишить их формальных прав на свободу передвижения или доступа к школьному образованию. Теперь они действовали изощренно, в частности, создавали такие механизмы ограничения прав негров, которые с юридической точки зрения не противоречили конституции. Так, во всех южных штатах стали одобряться избирательные нормы, согласно которым для получения права голоса необходимо было заплатить специальный налог и сдать экзамен на грамотность. В течение короткого периода при помощи подобных норм, которые федеральной Конституцией не запрещались (она запрещала лишение права голоса по расовому признаку, а все остальные нормы оставались в компетенции штатов) от участия в выборах были отстранены 90% чернокожих избирателей. В результате белые южане полностью вернули себе политическую власть, и уже в первой половине 1870-х годов защищавшая их интересы Демократическая партия сумела потеснить республиканцев у руля власти в большинстве южных штатов.

Против чернокожих избирателей, политиков, их общественно-политических объединений стали всё более активно использоваться и насильственные меры. Наибольшей агрессивностью отличались организации ку-клукс-клана, жертвами которых стали десятки тысяч негров⁵⁰. Под напором “исправившихся” белых южан программа и мероприятия Реконструкции стали быстро сужаться и к середине 1870-х годов практически сошли на нет. Республиканская партия не обнаружила готовности сопротивляться этому, а в 1876–1877 г. пошла на прямую сделку с Демократической партией, означавшей окончательное прекращение политики Реконструкции. Реконструкция прервалась, не доведя до конца основной части своих начинаний и не выполнив еще большего количества обещаний, данных Республиканской партией своим чернокожим союзникам в 1866–1867 гг.

Причины этого были разнообразны и многочисленны. Выделю в начале ту, которая представляется наиболее важной. К началу 1870-х годов опасность реставрации рабовладельческого строя на Юге была ликвидирована, экономическое могущество бывшего рабовладельческого класса серьезно ослаблено, утверждение основ рыночно-капиталистической цивилизации во втором по важности регионе США гарантировано. Северо-восточные нувориши в течение нескольких лет Реконструкции завоевали на Юге прочные экономические и социальные позиции, стали владельцами железных дорог, нефтяных скважин, многих промышленных и торговых предприятий. Их экономическим богатствам, созданным в значительной мере благодаря поддержке (как правило, щедро оплачиваемой) Республиканской партии и контролируемых ею органов власти южных штатов, ничто не угрожало. Их интересам не создавали никакой опасности и реставрационные намерения “исправившихся” южан, и по этой

⁴⁹ Wiener J.M. *Social Origins of the New South: Alabama, 1860–1885*. Baton Rouge (La.), 1978; Mandle J.R. *Not Slave, Not Free: The African American Economic Experience since the Civil War*. Durham (N.C.), 1992.

⁵⁰ Trelease A. *White Terror: the Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction*. New York, 1971; Carter D.T. *When the War Was Over: the Failure of Self-Reconstruction in the South, 1865–1867*. Baton Rouge (La.), 1985.

причине на ущемление интересов и прав чернокожих “друзей” можно было закрыть глаза.

Среди экономически преуспевших благодаря Реконструкции северян было и много деятелей Республиканской партии. Свои политические посты они все более активно использовали для извлечения экономической выгоды, все более руководствовались ею и расставались с идеалистическими взглядами, присущими, по крайней мере, части среди них в радикальный период Реконструкции. Имена организаторов Реконструкции, в том числе и бывших идеалистов, все чаще и чаще всплывали в связи с громкими скандалами, связанными с коррупцией, лихоимством, грязными финансовыми махинациями. На смену Революции пришел Термидор – завершающая фаза многих революционных эпох. Для термидорианцев всепоглощающей заботой оказывались личная карьера и выгода, а интересы и права черной расы отодвигались на политические задворки.

Термидорианское перерождение Республиканской партии на завершающих этапах Реконструкции имело непосредственное отношение к отказу от поддержки интересов бывших черных союзников в южных штатах. Не меньшее значение имело и то, что наделение и сохранение за неграми равных гражданских и политических прав не пользовалось ни популярностью, ни поддержкой среди основной массы белого населения. Все социальные классы белого населения были привержены расовым предрассудкам и предубеждениям, наделение освобожденных негров равными гражданскими и политическими правами явно обогнало развитие позитивных изменений, имевших место в революционную эпоху, в отношении белой Америки к чернокожим. Политический реванш “исправившихся” южан не вызвал сколько-нибудь серьезного протеста в северных штатах.

Сами северные штаты в 1870-х годах всецело погрузились в собственные проблемы. Предпринимательский класс, не щадя ни себя, ни своей наемной рабочей силы, стремительно наращивал темпы индустриализации уже не только севера, но также юга и запада, где раз и навсегда было искоренено соперничество рабовладельческого класса. Рабочие изыскивали способы повышения заработной платы, к которым относилась и защита от конкуренции со стороны дешевых рабочих рук освобожденных негров. Фермеры спешили воспользоваться благоприятным моментом в приобретении западных территорий, и в равноправии негров, способных стать конкурентами в сельскохозяйственном производстве, также видели скорее опасность, нежели благо. В таких исторических условиях “откат” радикальной Реконструкции был просто неизбежен. А тот факт, что возвращение к ее принципам произошло в США только спустя почти целое столетие, в 1960-х годах, свидетельствует, в какой степени отчасти идеалистические, отчасти прагматические уступки Республиканской партии чернокожим союзникам во второй половине 1860-х годов опередили свое время.

Подобный исход Реконструкции на Юге дал основание ряду видных современных историков прийти к заключению о ее “провале”⁵¹. На мой взгляд, подобная оценка все же является преувеличением и находится в противоречии с принципом историзма. Конечно, если судить о Реконструкции исключительно по обещаниям, данным Республиканской партией освобожденным неграм, по полноте воплощения в жизнь 14-й и 15-й поправок к федеральной Конституции, то тогда можно говорить о ее неудаче (но и то не полной). Но если рассматривать Реконструкцию в контексте революционной эпохи 1850–1870-х годов, противоборства Севера и Юга, либерально-капиталистической и рабовладельческой цивилизаций, то тогда ей необходимо будет выставить иную, безусловно положительную оценку, ибо именно Реконструкция поставила точку в победе и утверждении в чистом виде либерально-капиталистической цивилизации в США. Оценивая Реконструкцию в контексте обозначенной революционной эпохи, нельзя не принять во внимание то, что либерально-капиталистический Север США, нацелившийся на ликвидацию рабовладельческой цивилизации, в то же время не ставил

⁵¹ Hine D.C., Hine W.C., Harrold S. Op. cit., p. 229; Foner E. Reconstruction, p. 603.

своей целью уравнивание негров, после отмены рабства, в гражданских и политических правах с белыми. Эта ликвидация должна была осуществиться исключительно в интересах белой Америки, и если она на определенном этапе и в определенных условиях пошла на гражданское и политическое уравнивание двух рас, то это было продиктовано временной политической целесообразностью, а отнюдь не искренним желанием возвысить вчерашних рабов до уровня белой расы. Как только победивший Север убедился, что возможность реставрации рабовладельческого строя исчерпана, он позволил “исправившимся” южанам “опустить” черную расу на “подобающую” социальную ступень. Экономические и политические интересы самого Севера, как и всех белых американцев, при этом ничуть не пострадали. Север и либерально-капиталистическая цивилизация продолжали уверенное поступательное развитие на протяжении всего периода Реконструкции (другое дело, что эта либерально-капиталистическая цивилизация сохранила расовый характер и, следовательно, расовую ограниченность).

Период Реконструкции ознаменовался стремительным развитием капиталистических начал национальной экономики, в первую очередь блестящими успехами железнодорожного строительства, этого фундамента национальных рыночных связей. С 1865 по 1878 г. протяженность железных дорог выросла больше, чем за 35 предшествующих лет и достигла почти 82 тыс. миль. За тот же период в США удвоилось производство сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство развивалось особенно ускоренными темпами в западных районах, куда устремились сотни тысяч американцев, как и иммигрантов из Канады и Европы. К 1870 г. северо-западный регион производил более 70% всей американской пшеницы. В целом же производство пшеницы, наиболее механизированной отрасли сельского хозяйства, выросло в США за период Реконструкции почти втрое⁵².

Север и Запад развивались гораздо быстрее, чем в предреволюционные десятилетия, и их опережающее развитие выглядело особенно впечатляюще на фоне поверженного Юга, в экономике которого также происходили серьезные изменения. На Юге резко сократилось производство хлопка и выросло производство пшеницы. В результате ослабели (хотя и остались господствующими) позиции плантаторского класса и несколько улучшились позиции мелкого белого фермерства. Но в целом уровень доходов населения Юга серьезно уступал уровню доходов северян: если на Севере в период с 1860 по 1880 г. среднегодовой доход (в постоянных долларах) вырос с 128 до 173 долл. (ежегодный рост 1,5%), то на Юге он за тот же период снизился с 103 до 88 долл.⁵³ По завершению революционной эпохи капиталистический Север жил, говоря обобщенно, вдвое лучше поверженной рабовладельческой цивилизации, а будущее сулило ему, как и всему американскому капитализму, еще более радужные перспективы. Такой результат был слагаемым преобразовательных последствий обоих периодов революционной эпохи – и Гражданской войны, и Реконструкции.

⁵² Donald D.H., Baker J.H., Holt M.F. Op. cit., p. 484, 486.

⁵³ Ibid., p. 500; Walton G.M., Rockoff H. Op. cit, p. 317.